

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ СЕАНС ОТ КОЗАКОВА

**"Намажем рожу и ходим,
как говны"**

Сегодня все желающие припасть к Михаилу Козакову по случаю его некруглого юбилея (65) могут не беспокоиться. Не из кокетства, а исключительно по принципиальным соображениям артист и режиссер не наблюдает, как в небо летят чепчики, а трудится. Он укрывается на "Мосфильме". Вообще к 65 годам Михаил Козаков изменился и вполне может сказать, как герой из его бессмертного телешоу "Покровские ворота": "Каким рассудительным, каким умеренным стану я...". Неизменным осталась его любовь к джазу, поэзии, детям.

Читайте 4-ю страницу.

МИХАИЛ КОЗАКОВ

Михаил Козаков родился 1899 - 14 окт. 1964

4 "МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" 14 октября 1999 г.

ЮБИЛЯРИЙ

Козаков: Гамлет — первая роль.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Я отчетливо понял, что надо много ходить в театры. Почему надо ходить? Потому что время от времени думаешь: на хрен вся эта баяда нужна? Что я делаю? 65 лет, чем я занимаюсь? Вот когда я был молодым человеком, меня поразила одна история. В Ивановской оперетте был прославленный комик, кажется, Май его фамилия. И вот спектакль. Он играет, играет. В антракте к нему приходит помреж в гримерку и видит, что тот снимает грим. "У вас же еще третий акт. Куда вы разгримировываетесь?" — "Да бросьте вы, мне столько лет, чем я занимаюсь?" И ушел из театра. Навсегда... Так кончил карьеру. Он уже не верил в то, чем занимался.

— А вы верите?
— Станиславский, он искал этическое оправдание профессии. Медику не надо этого делать: он лечит людей, и все. Строителю тоже — в его доме будут жить люди. А актерское дело... Как мой друг Копелян говорил: "Намажем рожу и ходим, как говны".

Все время должна быть сверхзадача, сверхидея. Например, замечательно поразила людей. Так случилось, что в день взрыва дома в Печатниках у нас в антрепризе шла комедия "Невероятный сеанс". Отменить нельзя, заменить нечем. Сначала думал выйти и сказать какие-то слова, но мой друг, умный человек, сказал: "Или отмени, или играй. Публика не дура, если она пришла в театр в этот день". Я сказал себе и всем, что надо выложиться до конца, играть с самым мощным куражом. Мы так и сыграли. И публика была жутко нам благодарна: на два часа она вышла из шока. Попала на психиатрический сеанс.

— Вы начинали с трагической роли Гамлета, затем сыграли много комических, которые зрители любили и до сих пор жалуют, что вы не снимаетесь в комедиях.

— Да я обожаю комедии. Когда ты играешь или репетируешь комедию, невольно легче воспринимаешь жизнь. В каком-то смысле это даже полезно для здоровья.

Тогда зачем взяли опять за трагедию Шекспира "Венецианский купец"? Все же таки годы, здоровье...

— Оно как — охота и то, и то. Душа просит.
— А вам никогда не говорили, что вы с годами стали похожи на Сальвадора Дали? Не хотелось бы его сыграть?

— А я знал, что похож на него. Был увлечен им, читал книжки о нем. И тут попал в Барселону, побывал в Фигейросе — у него в замке. Купил каталонскую шапку, надел ее и, как в народе говорят, вошел в образ. Было подспудное желание его сыграть. Но... При всей грандиозности личности он мог, например, написать на портрете матери: "Я с удовольствием плюю на портрет моей покойной матери" — за что был навсегда вышвыблен своим отцом из дома. Да, это все эпатаж, это все степ. Но желание славы любой ценой для меня неприемлемо.

— Михаил Михайлович, вы совершали в молодости поступки, которых до сих пор стыдитесь?

— Я никогда не был в оппозиции, авангардизм. Да, у меня занозистый характер, но я никогда специально не шел против.

— А конфликт в "Современнике", с режиссером Эфросом на Малой Бронной?

— Какой конфликт. В "Современнике" я выступил, когда все делали вид, что мы студия, а существовали по законам нормального театра, где давали звание. Началась фальшь внутри достаточно чистого дела. Тут я восстал: "Ребята, кончайте". А с Эфросом... что ж, я был влюбленный ученик. На "Мертвых душах" возник конфликт, и то из-за инсценировки.

— Вы солист? Вам не нужен коллектив?

— Как ни странно, вы не поверите, но я ужасно люблю хорошую атмосферу в коллективе. Я ее в своей антрепризе (проектный театр "Русская антреприза М. Козакова" — М.Р.) создаю. Вот спросите моих ребят. Правда, хороши ребята — им уже всем за 40—50, — но они скажут: "Козаков не играет в диктатора". Конечно, волю надо проявлять, без воли ничего нет. Но... Я предлагаю вам такой путь, — говорю я им. — Если кто-то не согласен, давайте поспорим. Не нравится — уходите". Когда спектакль сделан, я за ним слежу. Я апеллирую как товарищ к товарищу. Артисты должны видеть, что шеф живет по тем же законам, что и они, ездит в тех же купе и живет в таких же гостиничных номерах.

— А в самолете разве вы не в бизнес-классе, а труппа — в экономическом?

— Нет, это принципиально. Это постыдно, если я полечу в бизнес-классе, а Света Немолова или Оля Остроумова в другом, — это поганно. Зачем? Зачем? Я очень слежу за справедливостью, за атмосферой. Если кто-то, я вижу, пытается ее разрушить — на сцене ли, за кулисами ли, — я расстаюсь с ним. Одна артистка знаменитая как-то играла-играла и в сторону бросила реплику: "Ну, бля, не прижми", то есть не аплодировали. У меня шок — почему? Как я могу притворяться, когда она разрушает? Вот бац! карманного театра — когда со сцены говорится одно, а в сторону другое поразилась многие коллективы. Короче, мы тихо расстались,

хотя она — талантливая, мощная актриса, но по сути своей — пахан, который разрушает атмосферу. Я люблю не игру в коллектив, вроде: "Ай, ребята, возьмемся за руки!" Вот когда начинается фальшь в этом деле, она меня раздражает. "Девочки, не будем ссориться" — вот что я ненавижу.

Я индивидуалист в другом смысле — не могу бегать в стае. Не пойду в программу "Тема", потому что не знаю, как сидеть в массовке, куда руки деть. У меня другие амбиции.

— Театр без интриг? Только не надо рассказывать сказки.

— А у меня не может быть интриг — антреприза. Каждый знает, что он играет и что за это получает. Каждому объяснено: "Ты замечательный актер, но ты должен понимать, что зал собирает тот". Как я знаю, что один я зал не соберу. Если Догилева рядом будет — уже замечательно.

жен депрессиям, к сожалению, человек несильный, и идет постоянная борьба с самим собой. Мне не свойственно чувство зависти. Я вспоминаю себя молодым: мне было больно, когда меня не брали сниматься в кино. Эфрос научил: "Говори так: не взяли — им же хуже". А Эфрос учил, когда все тормозилось: "Миша, не оглядывайся, иди дальше".

— Все заметили, что с годами вы стали не то чтобы мрачнее, но эгичнее. Бросили прикалываться.

— Да я и сейчас могу прикалываться. Прикол приколу рознь. Сейчас такое время, что прикалываться тревожно.

— А что делать?

— Не знаю. Знаете, иногда из-под одеяла так трудно заставить себя вылезти. Сегодня вот вы пришли, у меня хороший день. А бывает... Для меня ужасны мои перепады. Не знаю, Веса это — не Веса. У меня не бывает особой эйфории: я от нее убежден разумом. Но разум мой не бережет депрессию.

— А правда, что вы однажды попали в сумасшедший дом?

— Да. Я потратил дикое душевные силы, когда работал над "Тиковой дамой": снял тысячи метров натур — балы во дворцах, подъезд к дому графини с фейерверками. Самое трудное сделал, потом начал складывать и понял — что-то не то. Понял, что нарушил закон: не может "Дама" получиться, как у Пушкина. Дело в слове. Магия слова...

Я не был сумасшедшим, но у меня была крайняя депрессия, когда сводило руки. Я плакал, забивался в угол, накрывался одеялом. Не шизофрения, а маниакальная

идея — я гадал: когда я ошибся? когда я просчитался? Я вышел из этого состояния благодаря стихам. Ходил по палатам и читал стихи и через это восстанавливался. Давид Самойлов еще написал мне:

**Психи (что-то там) ты-ты-ты-ты,
говорили от души:
хорошо читаешь стихи —
рифмы больно хороши.**

В этот момент в комнату вошла записная книжка четырех лет в синей обложке и с косичками. Теребя кофточку, она произнесла монолог.

Монолог Зои Козаковой:

— Меня зовут Зоя. Я люблю своего папу. Я люблю маму, папу и всех. И свою семью. Мы ходим в театр. А когда у мамы с папой есть время, мы идем на мюзикл. Мне понравился Чарли Браун и Питер Пэн. Я в Питера Пэна влюбилась. Потому что он умеет летать. Только там Люси почему-то строгая и вредная. Я знаю Сальвадора Дали Рембрандта... Я смотрела книжку, у него там такие усы, прямо до глаз. А Манана моя личная сестра.

— Кто воспитывает детей, Михаил Михайлович?

— Да все вместе. У нас теперь полный дом детей — Манана (дочь М.Козакова от брака с грузинкой Медеей — М.Р.) придет с детьми, Катя, Кирилл. Его сын — очень хороший мальчишка — живет в Америке, первый ученик в школе, играет в бейсбол.

— Так сколько их — Козаковых?

— Пять детей и внуков пять. Одной внучке уже 20 лет.

Вообще, странная штука. Нет у меня такого — хдешь итогового мышления. А не приходит оно. Нет итога. Все в перепадах.

— У вас со всеми детьми хорошие отношения?

— М-м-м... Когда появились эти двое (Миша и Зоя — последние дети Козакова. — М.Р.), я понял, не зря дворня по восемь-девять детей заводили. Для себя же заводили. Почему? В них жизнь. Хотя я знаю другую точку зрения, когда человек говорит: "Миша, я никогда не хотел иметь детей. Ты что, не понимаешь, какой мир? На что мы их обрекаем?"

"Что было бы, если бы я не родился?" — это мои детские мысли. А потом мысли такие: "Жизнь — это дар, но ведь она кончается так страшно, и не только для тебя, но и для окружающих". Поэтому одна надежда на великое "быть может". А с годами счетчик считает. Плохие цифры пошли. Почему деньги бессмысленны? За них не купишь физическое бессмертие. Если бы можно было — вот тут бы пошло. Все равно полтора аршина — и привет. Но остались дети. Недаром сказано в книге книг: веселитесь.

— Вы-то веселитесь? Что-то не очень похоже.

— Я веселюсь, когда работаю. Когда я с детьми, когда с друзьями. Я лучше веселился в молодости. "Веселись, юноша, пока ты весел". Поэтому в молодости надо веселиться. Мне жаль молодых, которые не умеют этого делать. Для одного веселье — шприц воткнуть. Для других... У меня веселье духа было — обязательно вино, женщины, ухаживания, остроумный диалог, стихи, музыка. Но обязательно, если завтра есть интересная работа. А если завтра у меня фунт прованского масла, я не умел радоваться. Работа — от всех бед, говорил мой дедушка. Вот почему некоторые старики цепляются за сцену, не хотят уходить. Слепой Ильинский ходил из кулисы в кулису. Почему я побежал делать операцию, когда слепнуть стал. "Режь глаза!" — сказал врачам. Как остаться без работы? Все было...

Понимаешь, что ничего нового не скажешь. Но человек так устроен, как у Пастернака:

С кем протекли его боренья?

С самим собой, с самим собой.

— Михаил Михайлович, вы действительно скрываетесь от народа в свой юбилей?

— Я работаю: снимаю на "Мосфильме" телефильм про Баха и Генделя. За шесть дней надо снять две серии. Это что-то ужасное. А через неделю в Доме актера для друзей я сыграю свой спектакль, за который, кстати, вы мне дали премию — "Концерт для голоса и саксофона". Никаких речей — я сказал. Сыграю, выпьем по рюмке водки, и все.

— Чего вы так не любите юбилей? Ваши коллеги... Их хлебом не корми, дай послушать про себя, любимых, разные слова, многие из которых в общем-то юбилейное вранье.

— Я много думаю. Я люблю знать, что обо мне хорошо думают. Мне это приятно. Зачем, чтобы это облегалось в слова? Сразу начинаю думать: для кого он это говорит — для себя, для меня?

Вот Анненкову сыграли в Малом с шумом сто лет. И что? Через четыре дня он умер — это же для стариков страшное волнение. Как такое пережить?

— Нормальный ход разговора — от юбилея к похоронам.

— А что вы думали? Похороны Высоцкого — это похороны не просто артиста. Это гражданская акция. Заметьте себе, уже Рихтер... в завещании он сказал: "Я умру. Я прошу поставить камень, один цельный кусок". В результате поставили два — расколотое сердце. "Я просил никогда над моей могилой не произносить речей".

Козаков без юбилея — это не потому, что Козаков такой скромный. Нет. Зачем? Я все вижу по глазам — кто меня любит, кто не любит. Вот тут надо стесняться. Если бы за это давали деньги... Если бы в результате юбилея на тебя повышался спрос, как после "Оскара"...

— Скажите честно, вы не думаете останавливаться на достигнутом: я имею в виду количество дворянских детей — восемь-девять, а у вас только пять?

— Этих бы поднять. Это же на Ано все ляжет. Я об этом думаю. Что она без меня, как? Вот у меня страхи где. Кроме страха умереть недостойно.

— Чем больше говорим о смерти, тем больше хочется смеяться и веселиться. Анекдоты рассказывать.

— Мне вчера рассказали: вопрос — чем отличается член от жизни? Ответ — жизнь жестче.

Ничего-ничего, посмотрим. Сейчас бы пьесу найти хорошую и обрадоваться.

Марина РАЙКИНА.

Зоя Козакова как артистка.

— Козаков не соберет?

— Сегодня зал собирают две-три звезды. Я готов был сделать спектакль с молодыми артистами, но Аня, жена моя, говорит: "Ты сделаешь. Но билеты я не продам". И она права. Я соберу зал, когда я читаю стихи. Но билеты на Бродского мы продаем в два раза дешевле, чем на наши комедии. А спектакль по Бродскому, между прочим, это штучная продукция. Но она занимает свое, очень правильное место на полке.

— Прожив несколько лет в Израиле, вы все же вернулись. Какой главный урок выносите русский актер из-за бугра — там он не жилец?

— Почему же, там замечательно играет театр Арье, который тихо становится ивритским. Я не общаюсь, но про себя понял — я не гражданин мира. Я был с удовольствием снимался в Голливуде, если бы позвали в Англию поиграл бы, но я — ордынский человек. Я не знаю всевозможных, состоявшихся в Америке. Михаил Чехов? Нет...

Дела в Израиле шли нормально: можно было жить и играть, совершенствовать языки. А потом часами я сидел и смотрел в одну точку.

— А вы здесь не смотрите в одну точку?

— Бывает. Но я беру телефон и звоню кому-нибудь, кто тоже смотрит в одну точку. Я подвер-

ОТ КОЗАКОВА

Козаков как Дали.